

В другом месте, в Чертоге Фэнъи, Цзи Юи едва не разбила вдребезги весь попадавшийся на глаза фарфор!

— Успокойся, матушка, зачем так соперничать с Ань Цзинсином? — Ань Чэнцзи, видя свою мать в таком гневе, был несколько озадачен. Вчера, когда она вернулась во дворец, она не была так разгневана!

— Успокоиться? Как я могу успокоиться? Ань Цзинцин уже уведена этим щенком, и что мы теперь будем использовать, чтобы заставить Ань Цзинсина подчиниться? — В этот момент Цзи Юи уже не было и следа от прежней величественности и благородства. Её лицо, искаженное яростью, больше походило на лицо рычной сварливой женщины.

Ань Чэнцзи не особо беспокоился по этому поводу и утешал Цзи Юи:

— Матушка, зачем так волноваться? После церемонии коронации мы сможем вернуть Ань Цзинцин, и тогда всё будет законно. Даже Лу Яньси не сможет сказать «нет»!

Ань Чэнцзи говорил с полной уверенностью, и его выражение лица говорило о победе, словно он уже видел, как Ань Цзинсин с позором возвращает Ань Цзинцин. Однако, услышав это, Цзи Юи лишь разозлилась ещё сильнее.

Лицо Цзи Юи исказилось, и она с силой швырнула вазу, стоявшую рядом. Ваза упала на пол и разбилась с громким звоном, осколки смешались с другими черепками.

Затем Цзи Юи указала пальцем на Ань Чэнцзи, и её голос резко повысился:

— Ты действительно глуп или притворяешься? Церемония коронации? Какая теперь может быть церемония коронации? В будущем её тоже не будет!

К концу фразы её голос стал настолько пронзительным от ярости, что резал слух, но это не шло ни в какое сравнение с шоком, который испытал Ань Чэнцзи от её слов. Он смотрел на свою мать с недоверием, на мгновение оцепенев:

— Но разве отец-император не говорил...

— Говорил? Что он говорил? — Теперь голос Цзи Юи стал спокойным, но в этом спокойствии чувствовалась тишина перед бурей. — Что после весенней пахоты я стану императрицей? Ты думаешь, это всё ещё возможно?

Ань Чэнцзи нахмурил брови, не понимая сути дела:

— Почему бы и нет? Отец обещал.

В сердце Ань Чэнцзи, если Ань Жуй что-то обещал, то это обязательно сбудется. Ань Жуй никогда не подводил его и мать!

Шлёп! Услышав слова Ань Чэнцзи, Цзи Юи ударила его по лицу. Глядя на ошеломленного сына, она не знала, злиться ей или отчаяться. Как она могла родить такого глупца?

— Обещал? А что с того, что он обещал? Вчера император перед всем двором и народом признал меня наложницей! Наложница не может стать законной матерью! Вчера я сидела на высоком месте, что было самоуправством! Лу Яньси не поклонился, и даже Ань Цзинсин не признал меня, а сегодня он даже не пришёл выразить почтение. Кто теперь согласится сделать

меня императрицей?

Нельзя не признать, что вчерашний поступок Лу Яньси был одним выстрелом трёх зайцев.

Он не только публично «ударил» Цзи Юи по лицу перед всем миром, но и сегодня, воспользовавшись этим, увёл Ань Цзинцзин, лишив её козыря против наследного принца. И самое главное, он отрезал ей путь к повышению!

Хорошо! Очень хорошо! Она разрушила карьеру Лу Яньси, а он в ответ разрушил её путь к трону! Развратник? Вчерашний Лу Яньси, споривший с учёными мужами, и сегодняшней, шаг за шагом планирующий свои действия, — где тут хоть тень развратника? По сравнению с её никчёмным сыном, он был неизмеримо сильнее!

Думая об этом, Цзи Юи с ненавистью посмотрела на Ань Чэнцзи, в её глазах читалось разочарование и горечь.

Получив пощёчину, Ань Чэнцзи, однако, прояснил свои мысли: хотя коронация — это семейное дело императора, оно также является государственным делом. Особенно сейчас, когда многие чиновники поддерживают Ань Цзинсина. Если отец предложит сделать мать императрицей, то эти люди смогут использовать вчерашний инцидент для обвинений.

Как наложница, оскорбившая вышестоящих, нарушившая правила, как она может стать императрицей? Тем более, что вчера мать была вынуждена покинуть высокое место под давлением Лу Яньси, что явно показало всем, что она сама считает себя недостойной коронации. Думая об этом, Ань Чэнцзи сжал кулаки. Если мать станет императрицей, он сможет возвыситься благодаря ей, став законным сыном вместо незаконнорождённого, и разница между ним и Ань Цзинсином будет только в старшинстве.

Тем более, что тогда его мать будет жива, а мать Ань Цзинсина давно умерла, и, по сути, он окажется в более выгодном положении. Но всё это превратилось в прах из-за вчерашнего скандала, учинённого Лу Яньси!

— Если так, то почему вчера мать велела мне отозвать людей? — Поняв это, Ань Чэнцзи всё же не мог понять одного. Ещё после дарования брака Цзи Юи выделила тридцать человек, планируя убить Лу Яньси в ночь свадьбы, но по неизвестной причине накануне она отозвала их, сказав, что планы изменились.

— Хе... Отозвала, так отозвала. В любом случае, этому Лу Яньси осталось недолго! — Говоря об этом, Цзи Юи заметно повеселела, перестав бросать вазы. Вместо этого она погладила ярко-красный цветок в вазе, её голос стал мягким, но ледяным.

Услышав это, сердце Ань Чэнцзи пропустило удар, и он невольно вспомнил вчерашний облик Лу Яньси. В сердце промелькнуло сожаление:

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду? Тебе не нужно это понимать. Просто знай, что совсем скоро... — Цзи Юи не закончила фразу, но в её словах сквозило нечто зловещее. Она сжала цветок в руке, сорвала все его лепестки и рассыпала их по полу, затем наступила на них и даже притоптала, словно этот цветок был самим Лу Яньси.

Ань Чэнцзи, видя действия матери, понял, что Лу Яньси, вероятно, не жилец, но почему-то в его сердце не было той радости, которую он ожидал.

В это время плохое настроение было не только у драгоценной наложницы, но и у императора, только что потерпевшего поражение в словесной дуэли с Лу Яньси. Глядя на стоящего перед ним Тао Синшу, выражение лица Ань Жуй было неопределенным. Даже если выражение императора было неразличимо, Тао Синшу мог догадаться, что лицо императора сейчас, вероятно, выглядит ужасно. Ведь он только что был унижен супругой наследного принца.

— Когда ты шёл в резиденцию Лу с указом, я ведь тебе кое-что сказал, помнишь? — Ань Жуй смотрел на Тао Синшу, с трудом сдерживая ярость. В какой-то момент он даже хотел схватить Лу Яньси за горло и задушить!

С тех пор как он взошёл на трон, никто не смел так унижать его! Даже до восшествия на престол те, кто осмеливался унижить его, теперь давно покоятся в могилах!

Подавление! Ань Жуй никогда не думал, что за семнадцать лет своего правления он будет подавлен шестнадцатилетним юношей!

— Ваш слуга... Ваш слуга помнит... — Услышав слова «резиденция Лу» и «указ», Тао Синшу понял, что император собирается свести с ним счёты. Внутри он застонал. Зачем этот юный господин Лу сегодня так разозлил императора? Это был настоящий случай, когда в городе пожар, а беды в пруду!

— Как ты считаешь, ты хорошо справился с тем заданием? — Ань Жуй смотрел на Тао Синшу, спокойно задавая вопрос. Но было ли его истинное настроение таким же спокойным, как он выглядел, оставалось неизвестным.

Услышав это, Тао Синшу тут же вздрогнул и упал на колени. Звук его коленей, ударившихся о каменный пол, заставил всех слуг в императорском кабинете содрогнуться:

— Ваш слуга... Ваш слуга не справился с заданием, прошу наказания!

— Теперь расскажи мне всё, что произошло тогда, каждое слово, каждую деталь. — Когда Тао Синшу вернулся и сказал, что задание выполнено лишь наполовину, Ань Жуй не придавал этому значения. Но после того как он увидел Лу Яньси вчера и сегодня, он понял, что ошибся.

— Да... Да... Тогда... — Тао Синшу не смел скрывать ничего, вспоминая всё и рассказывая разгневанному императору о том, что произошло. В этот момент в императорском кабинете стояла полная тишина, прерываемая лишь дрожащим голосом Тао Синшу.

— Ты говоришь, что Лу Яньси прервал Лу Юаня, когда тот собирался что-то сказать, и принял указ? — Услышав этот момент в рассказе Тао Синшу, Ань Жуй прищурился, словно о чём-то задумался.

Тао Синшу не понимал, почему Ань Жуй так заинтересовался этим моментом, но было ясно, что его жизнь висит на волоске, и он должен был отвечать на все вопросы императора:

— Да... Тогда генерал Лу хотел что-то сказать...